

ПОХОД ЭШЕЛОНОВ

Не отличен от прочих в шеренге.
Те же скулы, сведённые в хруст,
Те же – через овраг – печенеги,
Та же в тяжком беспамятстве Русь.

Неустанный поход эшелонов.
И знакомой рукою отца:
«Черпаками высоких шеломов
Мы напьёмся воды из Донца.

Мы прорвёмся за огненный Одер,
Доберёмся до кёльнских святош,
Вынося бесноватые орды
На раскатистом гребне "даёшь!"

И на приступе главной атаки,
В километре от вражеских стен,
Мы заправим кремлёвские танки
Из баварских клеймёных цистерн.

Заозёрье заснеженных Ладог,
Самый важный приказ передав,
Назовёт нам пароль Сталинграда
На стоянках своих переправ.

И, приветствуя старт эскадрона,
Сквозь морзянок свистящих гудки,
Прозвучат на волне шлемофона
Позывные сибирской пурги...»

ДОЛГ СОЛДАТА

Забуровила кровь, почернела
И, горячая, в землю ушла.
И осколком пробитое тело
Засосала болотная мгла.
И, от боя смертельно уставший,
Он, конечно же, видеть не мог,
Как под озимь распаханной пашней
В небытие отходил его полк.
До весны пролежал он, уткнувшись
В торфяную промозглую тьму,
И не слышал болтливой кукушки,
Обещающей вечность ему.
Знать не ведал гвардеец до срока,
Что порой, золотую вполне,
Лист спорхнёт на его гимнастёрку
И сгниёт на обмякшей спине.
Не почтили солдата ночлегом:
На плаву дервенел, как бревно.
И, притопленный выпавшим снегом,
Погрузился на смрадное дно.
И затинила очи дремота,
И в глазницах означилась брешь...
Но когда возвратилась пехота
На оставленный ею рубеж
И скомандовал ротный: «В атаку!» –
Он поднялся, от грязи тяжёл,
И навстречу рычащему танку
С проржавелой гранатой пошёл.

НА ПАРОМЕ

Ежели есть разговор – на вечерней излучке
Сутуловатый паромщик не спросит рубля.
Трос проливной заскрипит, обожжёт мои руки,
Как, отплывая, погрузится в звёзды земля.
Звёзды – и сверху, и снизу! Зрачком не окинешь.

Снизу и сверху!.. Заблудишься среди огней.
Спас на Нерли, луковичные Суздаль и Китеж.
Пристани-отстани ночи бескрайней моей.

Вот на мостках бельевых непогода полощет
Память мою, что ветрами застирана вдрызг...
Я не мальчишка, хотя мне и больно, паромщик;
А на щеках моих высохнут капельки брызг.
Не был любим я гулящею девкою – славой,
Не свеживал кабаргу на кровавом крюке.
Вся моя жизнь прошумела ночным лесосплавом
По непогожей, от бешенства белой реке.

Только и свету, что девушка мне улыбнётся.
Только и радости – песня споётся сама.
Видел не раз, как лыжню отбивает на солнце,
На золотом оселке, молодецкая наша зима.
Было дыхание глубже и сердце просторней.
Было! Любовь-злакоманка якшалась со мной,
А в табуне молодых запалившихся коней
За коновода разгуливал ветер степной.

Жажда замучает? Переполюя водицей,
Бился в ладонях моих ледяной родничок.
Ягоды спелой откусать? Изволь наклониться,
Рви не считая, да место не выдай – молчок!
К хутору вышел? Пахнуло укропом и щами.
В избу стучусь, даже псу на цепи не знаком.
Пар над столом. И меня, усадив, угощают.
Кринки внесли – и медовую, и с молоком.

На вернисаж ли отправиться по бездорожью?
Но, не вводя никого красотою в обман,
Ближе, за балкою, Шишкин раскинулся рожью,
Дальше, за рощей, блеснул озерцом Левитан.
Что мне и Лувр, и Уффици, и свод Пантеона:
Под станционный навес, забежав от дождя,
Плащ на высокой груди расстегнула Мадонна,
С кроткой улыбкой склонилась и кормит дитя.

Ладно живу я, не сманен расхожею модой.
Девочек жалею, не дам одичать без любви.
Верно, и счастлив, поскольку согласны с природой
Предупреждённые ею желанья мои.
Так что другие пускай и рыдают, и ропщут,
И вымогают у ночи щепотку огня.
Мало им звёзд!.. Не жалею меня, слышишь, паромщик.
Всё, что положено, спросишь, любезный, с меня.

ТРОЙКА

Чуть рванула, уже запропала
Вместе с облаком пьяных саней...
Потягалась бы с ветром и пара,
Ну а тройку, поди, одолей!

Вроде встала. Но пламенем пышет,
Жарких мускулов льётся огонь.
Что ей небо? И – дальше, и – выше!
Только вожжами шалую тронь...

Вот опять понеслась целиною
По горячим, лохматым снегам,
Будто позвана славой иною
И уже непослушная нам!

На разрыв норовят пристяжные!
Коренник – что нацеленный нож!
И пожаром проносятся жилы
Под махинами взмыленных кож...

Что игреневым наше убранство –
Блеск подков, серебро мундштука,
Если рубят степное пространство
На манер войскового клинка.

Тройка! Ты ли бескрылым служанка?
Для разгона потрудишься лишь,
Как не хуже того полушалка
Вдруг взовьёшься и вдаль полетишь!